

7. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
8. Путинцев Ф. Контрреволюционная деятельность духовенства в революции 1905 г. // Антирелигиозник. 1939. № 7.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2112.
10. Там же. Ф. 797. Оп. 97. Д. 365.
11. Самарские епархиальные ведомости. 1905. №2.
12. Там же. №21.
13. Симбирские епархиальные ведомости. 1905. №1.
14. Члены Государственной Думы. Второй созыв. 1907–1912 гг. М., 1907.
15. Члены Государственной Думы. Четвертый созыв. 1912–1917 гг. М., 1913.

Е.Е. Шеремеев

Самарская академия государственного и муниципального управления

ПУТЬ НА «ГОЛГОФУ», ИЛИ «НАДКЛАССОВАЯ» ЭКВИЛИБРИСТИКА КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ В 1905–1907 ГГ.

Либерализм как идеология в российской политической мысли оформился в середине XIX века, хотя ранние его ростки можно обнаружить уже в конце XVIII столетия. Эпоха «Великих реформ» Александра II всколыхнула российское общество, прежде всего его образованную часть – дворянство¹.

В 1906 году бывший заместитель министра финансов России Н.Н. Кутлер отмечал: «С особой интенсивностью частное землевладение стремится к ликвидации... в трех губерниях: Самарской, Саратовской и Пензенской, где Крестьянскому банку предложено к покупке около 1/5 всей площади частновладельческих земель» [2, с. 423–424].

¹ В РГИА сохранилось уникальное по своему содержанию, передающее весь трагизм дворянского сознания, письмо в Санкт-Петербург от 1890 г. министру императорского двора и уделов И.И. Воронцову-Дашкову от видного земского деятеля России (впоследствии кадета), самарского дворянина В.А. Племянникова. В нем он сообщал: «...все то, что предки наши приобрели столетия назад... идет прахом»; «имения, перешедшие в руки купца, хотя и дают ему больше дохода, но зато крестьяне около него разоряются. У нас, дворян, есть еще старые традиции, а у нового землевладельца все заключается в рубль. В ближайшем будущем если не мы, то дети наши увидят всю Самарскую губернию в руках у кулака» [1, л. 280об.–281].

Таким образом, Поволжье, равно как и вся Россия, вступало в фазу капиталистического развития. Что неминуемо влекло за собой маргинализацию общества. Так, посетивший «Новый Орлеан» (Самару) в конце XIX столетия публицист-народник Н.В. Шелгунов подметил у местных нуворишей: «Стяжание и захват ... досуг для прожигания этого досуга ...» Он подчеркивал: «... пионеру (кулаку. – *Е.Ш.*) пока ничего не нужно, кроме пристани для грузки пшеницы, амбара для ее ссыпки и мельниц, чтобы ее молотье... ни умственных, ни общественных потребностей... не явилось. Даже потребности простого удобства жизни нет у пионера» [3, с. 85, 89].

Русский философ Н.А. Бердяев справедливо указывал: «Классы... в России были слабы, подчинены государству, они даже образовывались государственной властью» [4, с. 15]. В данном случае речь, прежде всего, стоит вести о русской буржуазии, которая была в своей основе выхолощена в 1–2-м поколении из крестьянства, в силу чего она стала кабально зависима от государственного протекционизма и иностранного капитала [5, с. 113].

Избранные нами территориальные рамки исследования определены не только общностью географического положения, близостью уровней социально-экономического развития, но также спорадическими контактами между либералами-конституционалистами, что, например, ярко характеризует I съезд земцев Поволжья (Самара, 6–7 августа 1905 г.), где около 40 участников приняло решение о бойкоте «Булыгинской Думы» и призвало население к отказу в выдаче рекрутов [6, с. 3]. Заметим, что провинциальных конституционалистов, которым приходилось «...вращаться в кругу элементов более революционных... угнетала... осторожная рассудительность столичных “либералов”...» [7, с. 38].

Именно земско-дворянская среда, по мнению исследователя А.Д. Степанского, стала основой институциональных структур русского либерализма [8, с. 176–177], из которых в октябре 1905 года было суждено возникнуть и Конституционно-демократической партии (народной свободы).

Ее организационное оформление в Поволжье, так же как и в России, имело в своем развитии три этапа: 1) октябрь–ноябрь 1905 г.; 2) декабрь 1905 г.; 3) январь–февраль 1906 г. [9, с. 85]. За период с осени 1905 до лета 1906 гг. в Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях образовалось 33 отдела Конституционно-демократической партии (КДП), в которых состояло не менее 2559 человек [10, с. 135].

Успех партийного строительства кадетов зависел от трех факторов: внутренней обстановки в губернии, инициаторов создания и отношения местной администрации. Так, если в Симбирской, Саратовской и Самарской губерниях образование КДП началось в губернских центрах, то в

Пензенской губернии этот процесс получил свое развитие в уездах из-за противодействия местного губернатора Хлыстова [2, с. 51]. Отметим, что кадеты Симбирска стали лидерами партийного строительства КДП в Поволжье [10, с. 135]. Мы это объясняем тем, что их организационное оформление возглавил председатель местной губернской земской управы С.М. Баратаев и симбирский городской голова М.А. Волков [11]. Они олицетворяли собой как бы альянс родовой аристократии и набирающей силу буржуазии. К тому же симбирский губернатор Л.В. Яшвиль не раз высказывал в узком кругу суждения о необходимости «некоторой либерализации монархии и сотрудничества с буржуазной интеллигенцией» [12, с. 72]. Все это привлекло первоначально местную буржуазию к массовому вступлению в региональное отделение КДП. Она увидела в их партии – «оплот против крайне левых»² [13].

Движимая идеей «надклассовой» миссии, Партия народной свободы (кадетов) стремилась к созданию широких предвыборных альянсов на выборах в Государственные думы России. Показательно, что печатный орган Самарской организации КДП («Самарский курьер») был приостановлен 7 декабря 1905 г. решением местной губернской администрации – за общественно-политическую направленность, весьма близкую к эсерам [14, л. 4]. Заметим, что в аграрной программе самарских кадетов наиболее отчетливо выразился принцип национализации, что и сближало их с ПСР³. Эта идея из-за острого малоземелья в Поволжье была свойственна всем

² Однако столь благоприятные условия имели и обратное последствие: идейную «разноголосицу». Так, на II Имперском съезде КДП (1906 г.) В.М. Владиславлев сообщал: «В Симбирске... издается... газета правым крылом Конституционно-демократической партии ("Симбирские вести", редактор: П.А. Беркос. – *Е.Ш.*), в которой левое крыло не принимает участия. У нас издается еще новая газета ("Симбирская народная газета", редактор: А.М. Астахов. – *Е.Ш.*), представляющая блок социал-демократической и кадетской групп» [2, с. 53, 57].

³ Так, 7 мая 1906 г. председатель Самарского губкома КДП А.Н. Хардин говорил: «...частная земельная собственность одна из самых разрушительных для общества монополий... за последние 40–50 лет цены на землю в России возросли в 3–4 раза. Следовательно, все частные собственники земли утроили и учетверили без всяких личных трудовых усилий; ...доход ... который, – ложится тяжелым бременем на трудовые народные массы». Исходя из этого, он призывал: «...если частная земельная собственность общественное зло, то необходимо с ней покончить; ...такая конечная цель достижима лишь при национализации земли, то есть признании ее собственностью... всего народа» [15, с. 751–752].

партийным организациям КДП в рассматриваемом регионе. Н.А. Бердяев отмечал, что: «Наивный аграрный социализм был присущ русским крестьянам» [4, с. 14], которые составляли 2/3 от населения России.

Но мы должны отчетливо понимать, что кадеты, являясь в своей основе европейски образованными людьми, подразумевали под термином «национализация», как и на Западе, подчинение интересов собственников общегосударственным задачам и в силу этого предусматривали вариативность решения аграрной проблемы [16, с. 106]. Это со всей очевидностью выразил диалог между самарским эсером П.Д. Климушкиным и новым лидером местных кадетов П.П. Подбельским в 1918 году⁴.

Мы осознанно делаем эту хронологическую экстраполяцию событий периода первой русской революции с 1918 годом, чтобы показать, что те лозунги, которые служили внешней платформой для объединения оппозиции самодержавию в начале XX века (идеи: революции, республики, Учредительного Собрания и другие), имели у «объединившихся» сторон разное внутреннее содержание⁵. То есть когда кадеты Поволжья на выборах в I Государственную думу повсеместно заключали предвыборные соглашения с национальными и социально-профессиональными объединениями по степени оппозиционности царизму [20, с. 36]; когда их общенациональный лидер П.Н. Милюков характеризовал государственную власть России в 1906 г. – как «вымирающую расу моральных вырожденков», «...порожденных исчезнувшим порядком...» [21]; когда на выборах во II Государственную думу они блокировались с эсерами, энесами, трудовиками и меньшевика-

⁴ Когда непременно условием для совместной антисоветской борьбы. Партия народной свободы выдвинула для эсеров условие об их отказе от январского решения Учредительного Собрания о национализации земли. «Мы не требуем, – говорил Подбельский, – чтобы вы немедленно же начали отбирать у крестьян обратно землю... Пусть вопрос остается открытым... Что касается вашей ссылки на принятие закона в первом заседании Учредительного Собрания от 5 января 1918 года, то мы ее считаем несущественной, ибо самое это постановление, принятое... под давлением вооруженных солдат, мы не считаем закономерным» [17, с. 59–60].

⁵ Эту же ошибку кадеты совершат и в условиях Гражданской войны: сбросив клич о диктатуре. Так, свергнув Директорию в Сибири и установив режим «Верховного правителя России» А.В. Колчака [18], поволжские беженцы-кадеты стали опасаться, что реакционная военщина «перекатится» через их кадетские головы (из диалога директора Департамента общественного порядка МВД Омского правительства В.Н. Пепеляева с председателем Восточного отдела ЦК ПНС А.К. Клафтоном) [19, с. 75].

ми [22, с. 19], а затем повсеместно стали основой для «надпартийных объединений» в виде масонских лож [23; 24], из-за репрессий режима они не только нивелировали свою партийную доктрину и тактику, но и сами же становились заложниками политического экстремизма, с которым затем боролись⁶.

Это позволяет нам признать оправданность тезиса специалиста в области политической многопартийности России начала XX столетия, профессора Л.М. Спирина о том, что: «Партии, как и люди, оцениваются не по тому, что они говорят о себе, а по тому, как они действуют» [26, с. 37].

11 марта 1906 г. правокadetские «Симбирские вести» заметили, что революция – «...это кипение воды в котле (стране. – *Е.Ш.*)», а царизм «...представляет крышку, конституция же клапаны. Чрезмерное кипение сбросит крышку, но разобьет и стены котла... Задачи Думы (читай: кадетов. – *Е.Ш.*) – локализовать пожар».

В своих периодических изданиях начала XX века конституционные демократы любили приводить сравнительно-страноведческие аналогии. Так, сравнивая революцию 1905–1907 гг. с ее буржуазно-демократическими предшественницами в Англии (XVII в.), Франции (XVIII в.) и Германии (XIX в.), справедливо указывая на стадиальную отсталость России как базу для социальных «мечтаний», они подчеркивали незавершенность процесса классовобразования в России.

Но в последнем обстоятельстве кадеты ошибочно, на взгляд автора, усматривали не «минное поле» русской политики, а, наоборот, залог ее политического созидания. На их взгляд: «Там (на Западе. – *Е.Ш.*) буржуазия сказала все, что могла сказать...» В России же, по их мнению: «Строить жизнь будет буржуазия!» (Шостак, г. Симбирск); «Буржуа, который дает обещание поддержать народные интересы, будет в Думе полезнее своего брата» (В.Н. Умнов, А.В. Генке, г. Пенза), а потому, «забывая» о своей «надклассовости», они признавались: «мы партия буржуазная» (В.Н. Поляк, г. Саратов) [27, с. 29].

⁶ По проторенному кадетами пути подмены политических понятий начала XX века ради сохранения политического рейтинга после февральской революции пойдут и умеренные социалисты. Так, английский профессор Р. Пайпс отмечает: «В мае и июне 1917 года партия большевиков с трудом могла претендовать на третье место среди социалистических партий... Но события начинали складываться в ее пользу»; «И меньшевики, и эсеры выдвигали социалистические лозунги, но в следовании им никогда не доходили до логического конца. Это сбивало с толку их избирателей и играло на руку большевикам» [25, с. 96–97].

Как только покачнувшийся было режим вновь продемонстрировал свою волю, русская буржуазия сразу же метнулась от кадетов: «За горло хватает нас ваша свобода!», «Мы русские, мы православные. Мы и без жидов управимся!» (1906 г.) [28]. Повторный крен в лоно КДП она сделает в 1918 году, но и тогда идеи торгово-промышленных съездов не гарантировали конституционным демократам, что они не станут новой жертвой «маятника контрреволюции»⁷ [18, с. 214–215].

Сакраментально и трагично звучит мысль идеологического прозрения кадетов, выраженная профессором Н.В. Устряловым, сменившим в октябре 1919 года самарца А.К. Клафтона⁸ в статусе лидера Восточного отдела ЦК ПНС: «Окончательно рушится привычная идеология... большевизм... побеждает... Он объединит Россию... Боже. Как глубоко все ошибались,

⁷ П.Д. Климушкину, ставшему управляющим Ведомством внутренних дел Самарского Комуча, председатель Самарской торговой биржи, кадет К.Н. Неклютин, будущий министр торговли и промышленности в правительстве А.В. Колчака, летом 1918 г. говорил: «Мы понимаем разницу между вами и большевиками, но ваша власть, которая нас немного прирежет, но не дорежет, так же нас не успокаивает. ...мы знаем, и это самое главное, что вы работаете на нас, разбивая большевиков... революция, покотившись назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится... Мы будем до поры до времени... немного вас подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму» [17, с. 63].

⁸ 22 марта 1919 г. на приеме представителей Омского блока общественных организаций, в лице А.А. Балакшина, А.К. Клафтона, В.В. Куликова и Н.А. Филашева [30, с. 307] А.В. Колчак признался: «Скажу вам откровенно ... поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей. И то же самое у Деникина: ...Худшие враги правительства – его собственные агенты. Я фактически могу расстрелять виновного агента власти, я отдаю его под суд, а дело затягивается. Дайте, дайте мне людей!» [18, с. 222].

В издании «Памяти погибших» (Париж, 1929), посвященном жертвам «красного» террора от Партии народной свободы, приводятся строки из писем 1919 года председателя Восточного отдела ЦК ПНС А.К. Клафтона, видимо, обращенные к члену ЦК ПНС, деникинцу Н.И. Астрову: «Здесь (в Сибири – *Е.Ш.*) полное безлюдье, все должны учиться, чтобы подняться над губернским масштабом... а учиться нет времени, работать приходится... в полном хаосе психологического и государственного разложения и усталости»; «У нас нет людей, штатских и военных, которые были бы на голову выше среды и узких интересов дня...» [26, с. 167–168].

ничего не поняли...»; «Допустим, можно будет уехать на Восток ... – отмечал он в своем дневнике под 3 января 1920 г. в Иркутске, – Но зачем ехать? Служить делу, в которое не веришь, которое считаешь вредным, безвозвратно проигранным?...»; «... диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией Интернационала на роль национального фактора современной русской жизни... наш национализм... потускнел и поблек на практике вследствие своих хронических альянсов... с так называемыми “союзниками”...» [31, с. 230–231]. Заметим, что еще в 1907 г. один из лидеров пензенских кадетов Н.Ф. Езерский признавал: «То новое, что полагалось (КДП. – *Е.Ш.*) народу, было ему чуждо, излагалось непонятно и не отвечало многим запросам народной души» [32, с. 18].

Однако, по нашему мнению, глубинная причина политического поражения КДП коренилась в том, что самодержавный режим своевременно не оценил спасительность их идеологии для своей модернизации. Русский философ отец С.Н. Булгаков, характеризуя последнего российского императора, писал: «...такой, как он, мог только губить Россию и самодержавие»; «Раньше могло казаться, что революцию делали революционеры... К несчастью, революция была совершена помимо революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия...»⁹ [34, с. 296]. В марте 1917 года председатель Самарского губкома конституционных демократов А.Г. Ёлшин с глубокой горечью запишет в своем дневнике: «Монархия кровавыми методами остановила государственное строительство (разогнав первые две Думы. – *Е.Ш.*). Это было очевидное безумие, за которое страна поплатилась окончательным

⁹ В.О. Ключевский был более категоричен: «Все понятия об обществе, государстве, народе, семье сгнили в этом разгуле распущенности, безделья и произвола»; «Прежние цари и царицы – дрянь, но скрывались во дворце, предоставляя эпическо-набожный фантазии творить из них кумиров. Павловичи стали популярничать. Но это безопасно только для людей вроде Петра I и Екатерины II. Увидев Павловичей вблизи, народ перестал их считать богами, но не перестал бояться их из-за жандармов. Образы, пугавшие воображение, стали теперь пугать нервы. С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю. Она, эта династия... вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана. В этом... несчастье России и ее народа, притом повторное: ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время»; «Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет» [33, с. 101,103–104, 75].

расстройством государственной жизни, а монархия своим существованием» [35, л. 93об.].

Таким образом, между началом XX и XXI столетий усматриваются очевидные параллели. Наиболее остро они проявляются в переходном типе общества, пораженном социально-экономическим и морально-политическим кризисом. Великий русский историк, сочувствующий Партии народной свободы (кадетам), В.О. Ключевский (1841–1911 гг.) полагал, что: «Прошедшее необходимо знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» [33, с. 10]. Не случайно он наставлял своего «венценосного», но незадачливого воспитанника (в миру современников – «Николая – Кровавого», а ныне: канонизированного РПЦ «святого великомученика») серьезным предостережением: «История не учительница, а надзирательница, *magistra vitae* (наставница жизни. – *Е.Ш.*): она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» [33, с. 47]. Поэтому яркая и трагичная история нашей страны должна служить серьезным предостережением прошлого – настоящему и будущему России. Она должна наставлять властителей и реформаторов к восприятию действительных общественных запросов («народной души») [36].

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 44 (425/2195). Д. 25.
2. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. 1905–1907 гг. – 744 с.
3. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни = Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников / сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко. Самара: Самарское книжное издательство, 1991. С.82–92.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
5. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 431 с.
6. Протопопов Д. Д. Из недавнего прошлого (Самара в 1904–2905 гг.) // Русская мысль. М., 1907. № 12. С. 1–26.
7. Его же. Из недавнего прошлого (Самара в 1904–1905 гг.) // Русская мысль. М., 1907. № 11. С. 16 – 38.
8. Степанский А.Д. Институциональные структуры русского либерализма (XVIII – начало XX в.) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 169–184.
9. Непролетарские партии: Урок истории. М.: Мысль, 1984. 566 с.

10. Шеремеев Е.Е. Генезис Конституционно-демократической партии в Поволжье (конец 19 века – 1906 г.) // Платоновские чтения: сборник научных трудов. Вып. IV. Самара: Самарский университет, 2002. С. 133–139.
11. Симбирские губернские ведомости. Симбирск, 1905. 5 ноября.
12. Точеная Л.Г., Точеный Д. С. Симбирский губернатор Л.В. Яшвилль в 1905–1906 гг. // Общественно-политическое движение России XVIII– XX вв. Самара, 1993. С. 71–80.
13. Симбирские вести. Симбирск, 1906. 15 апреля.
14. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 233. Д. 1997.
15. Второй съезд Партии народной свободы Самарской губернии // Вестник партии народной свободы. СПб., 1906. № 11. С. 747–754.
16. Гражданская война в России: «Круглый стол» // Отечественная история. М., 1993. № 3. С. 102–115.
17. Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Praha: Société Nouvelle d'Éditions Franco-Slaves, 1930. С. 38–102.
18. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. – 296 с.
19. Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. № 1. С. 75–100.
20. Шеремеев Е.Е. Предвыборные технологии кадетов Поволжья в период избирательной кампании в I Государственную Думу // Вестник Самарского муниципального института управления. Самара: СМИУ, 2004. № 2. С. 30–38.
21. Речь. СПб., 1906. 7 мая.
22. Шеремеев Е.Е. Кадеты Поволжья в Первой русской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара: Офорт, 2002. 22 с.
23. Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990. 350 с.
24. Брачев В.С. Масоны у власти. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 640 с.
25. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 2: Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М.: Захаров, 2005. 720 с.
26. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.
27. Шеремеев Е.Е. Социальная доктрина кадетов Поволжья в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) // Актуальные проблемы развития общества: новые подходы и перспективы. Вып. IV. Самара: Содружество Плюс; СамГМУ, 2004. С. 25–32.
28. Самарский курьер. Самара, 1906. 19 апр.
29. Памяти погибших // под ред.: Н.И. Астрова, В.Ф. Зеелера, П.Н. Милюкова, кн. В.А. Оболенского, С.А. Смирнова и Л.Е. Эльяшева. Париж: б.и., 1929. 231 с.

30. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-Пресс, 2008. 672 с.
31. Устрялов Н.В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919): Воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. 246 с.
32. Езерский Н.Ф. Культура и революция // Московский еженедельник. М., 1907. № 18. С. 18.
33. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
34. Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 347 с.
35. ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 1.
36. Бывший министр геологии СССР Е.А. Козловский отказался от награды Медведева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dymovskiy.name/blog/news/3560.html>

В.Н. Парамонов

Самарский государственный университет

ИСТОРИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКОВ

Литература, посвященная П.А. Столыпину, обширна и количественно уже в 2002 г. превышала тысячу наименований книг, статей и документальных публикаций [26]. В настоящем сообщении предметом изучения является отражение истории столыпинской модернизации на страницах вузовских учебников.

Исследование учебников (школьных, вузовских) как историографических источников является самостоятельным направлением в современной историографии. Отражая уровень состояния научной мысли, учебники демонстрируют свои преимущества как историографические источники. Они являются массовым информативным источником по изучению не только процесса формирования новых концептуальных подходов и концепций, но и по изучению становления, развития, взаимовлияния и борьбы различных направлений отечественной историографии. Учебник сжато, как бы в миниатюре, дает представление о взглядах историков по целому комплексу проблем. Важно также учитывать, что во все времена государственная власть активно использовала учебники истории в политическом воспитании молодежи.